

Гудак. — 1990. — 70 кт.

Там, где стоял Матренин двор

Мы шли по заброшенной узкоколейке, которая убежала куда-то в глубь поселка. Сейчас она была скрыта густой зарослью кустарника, травы и служила как бы тропинкой, которая помогала выбраться к станции, к домам железнодорожников. Поселок широко разбросал вдали свои дома.

Мой спутник, оторвавшись от разговора о житейских проблемах, сказал: «Знаете, в эдешних краях два года прожил Солженицын. Московские телевизионщики уже и фильм сняли». После минутного молчания продолжал: «Трудная проза. Но замысел колоссальный, даже по разрозненным кускам чувствуется».

После возвращения из командировки открыла газету — президентский Указ о возвращении А. И. Солженицыну советского гражданства. Попался и «Огонек» за 1989 год — рассказ «Матренин двор».

«На сто восемьдесят четвертом километре от Москвы по ветке, что ведет к Мурому и Казани, еще с добрых полгода после того все поезда замедляли свой ход как бы до ошупи. Пассажиры льнулись к стеклам, выходили в тамбур: чинят пути... что ли? Из графика вышел? Нет. Пройдя переезд, поезд опять набирал скорость, пассажиры усаживались».

Только машинисты знали и помнили, отчего это все.

Да я».

Так начинается один из лучших рассказов Александра Исаевича Солженицына. Он назвал его «Не стоит село без праведника». Окончательное название «Матренин двор» дал рассказу А. Т. Твардовский.

Кульминация рассказа (а построен он на достоверных

событиях, и Солженицын этого не скрывает) — гибель праведницы, простой русской крестьянки Матрены — случилось здесь, на переезде около станции Торфопроduct Муромского отделения Горьковской дороги. Просто произошла та давняя трагедия: застряли самодельные сани, на которых пьяные мужики перевозили пристрой к дому на переезде, кинулась им Матрена помогать и «...разворотило их всех. Не соберешь».

Первый раз я прочитала «Матренин двор», когда училась в школе, в 1963 году. За десятилетия стерлись в памяти имена героев, название местности, детали быта. Но главное впечатление от рассказа — простота и той правды жизни, которую не создашь, сидя в столичной квартире, — оно осталось.

Сейчас я читала рассказ глазами взрослого человека и понимала, что он мог родиться только здесь, в Мещерском крае — глубинке России. Если говорят, что великая русская литература XIX столетия вышла из гоголевской «Шинели», то рассказ «Матренин двор» предвосхитил многие достижения деревенской прозы. Сам же его автор пошел по другому пути.

Когда А. И. Солженицын в 1956 году приехал сюда, в его судьбе уже произошло много трагических событий. После фронта Великой Отечественной, лагерей, тюрем, ссылки «...мне просто хотелось в среднюю полосу — без жары с лиственным рощиком леса. Мне хотелось затеряться и затеряться в самой нутряной России — если такая где-то была, жила», — писал он.

Солженицын нашел такую Россию, два года учительст-

вовал в этих краях, правда, не в самом поселке, а неподалеку от него.

Грустна, тяжела, полна борьбы за ежедневное выживание была жизнь послевоенной «нутряной России» Солженицын, повидавший всякого, пишет об этом спокойно, без надрыва, вникая в мелочи повседневной борьбы простого человека за пропитание и отопление. Но более всего поразила меня не та прежняя послевоенная нищета, а то, как мало изменилась жизнь к лучшему за последние 35 лет.

«На станции Торфопроduct нет и масла, маргарин нарасхват, а свободно только жир комбинированный», — пишет Солженицын. Мы сидели в красном уголке энергетиков в августе 1990 года, и люди рассказывали, что за молоком приходится стоять по два часа, за хлебом — по три. И рассуждали, как лучше и выгоднее решить: то ли к местному магазину прикреплаться за дефицитом, то ли надеяться на орсовскую вагон-лавку. Да что на нее надеяться, когда ни муки, ни масла, ни круп не привозит! — отвечали сами себе.

«На станции Торфопроduct, на состарившемся временном серо-деревянном бараке, висела строгая надпись: «На поезд садиться только со стороны вокзала». Гвоздем по доскам было доцарапано: «И без билетов». А у кассы с тем же меланхолическим остроумием было навсегда вырезано ножом: «Билетов нет». Точный смысл этих добавлений я оценил позже. В Торфопроduct легко было приехать. Но не уехать».

Давно нет серо-деревянного барака, канули в лету и надписи, но пассажиры окрестных мест, которые, как и 30

лет назад, стремятся в Москву за продуктами и товарами, героически переносят трудности. Под вокзал приспособлено маленькое кирпичное здание бывшего поста ЭЦ. Окружено оно то ли озерцом, то ли огромной лужей. Как шутят сами железнодорожники — обитель для тритонов и ящериц. Помещение вокзала крошечное, много народу здесь не уместится. Чтобы уехать в столичном направлении, приходится дежурить с 5 часов утра — и в снег, и в дождь, на «семи ветрах».

Да, грустна ты, российская действительность, в глубинке. Очень грустна. Я уже не воспринимала те Матренины житейские страдания, когда она говорит: «Притесняют меня, Игнатыч. Иззаботилась я», как литературный образ после одной встречи. Собственно, это и встречей назвать нельзя, так, эпизод, но донзился он в память, не выковырнешь оттуда. После того, как посмотрели мы в домах железнодорожников подвалы, полные воды, сырые углы в новых квартирах, стояли посреди большого и неуютного двора, который образовали два панельных дома и один старый, черный — то ли барак, то ли дом. И вот от этого древнего здания робко приблизились к нам две старушки в цветных фартуках, платочках.

— Милые, вы никак комиссия? Посмотрите, как мы-то живем. Дом-то весь разваливается, не знаем, как переживаем. Может, поможете чем? — запричитали.

— Да ведь мы, бабушки, от железной дороги. Чем вам поможем?

— Да вы же комиссия не отсюда. А здесь мы везде ходили, все отмахиваются. Все обещают, а не исполняют.

Бывший с нами фотограф

снял на пленку этот дом. Бабушки успокоились. Мы уехали. Но до сих пор чувство, что просто обманули старушек.

В 1974 году Солженицын написал обращение «Жить не по лжи!». В этом заголовке отражено его жизненное кредо. Вот небольшой отрывок из этого обращения: «...Мы так безнадежно разочеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков — только бы не расстроить своего утлого существования. Мы даже всеобщей атомной смерти не боимся, третьей мировой войны не боимся (может, в щелочку спрячемся), — мы только боимся шагов гражданского мужества! Нам только бы не оторваться от стада, не сделать шаг в одиночку...».

Может, это касается и нас?

Я отчетливо чувствую, что экскурсия по литературным местам, где рождался замысел одного из первых литературных произведений А. И. Солженицына, получилась немного странной. Но описывать дом, в котором он жил, школу, в которой учительствовал, честно говоря, не стремилась. Солженицын жив, хотя давно оторван от Родины, и как-то с поречью заметил: «Со мной обращаются хуже, чем с мертвецом». Но самое болезненное и сложное, что живы все те проблемы и отступления от нравственных норм, которые описывал Солженицын в своих ранних сочинениях и над причинами которых он мучительно раздумывает вот уже четыре десятилетия.

В. ПАВЛОВА.
ТОРФОПРОДУКТ —
МУРОМ.